

Qasym

Республикалық әдеби-қоғамдық журнал

№5 (43)

2018

РУХАНИ
ЖАҢҒЫРУ

Қасым

Әй, тәжәкәһһәр дүһһе,

Маған да бір қарашы!

Марат
АЗБАНБАЕВ

Әдебиеттану

ПУТЬ АБАЯ
И
ДРЕВНЕЕ ПРАВО

*(Комментарий читателя
к роману-эпопее)*

Жалғасы. Басы өткен санда

Дорогие грузья!

Мы продолжаем наше чтение романа М.Ауэзова «Путь Абая» с момента возвращения бала-шәкірт Абая в родной аул, и как он с разрешения отца Кунанбая повернул к большой юрте и оказался в объятиях матери и бабушки.

НЕДОЛГО

пробыл Абай с родными – следом за ним пришел вестовой Майбасара по имени Камысбай с приказом Кунанбая о его явке к нему в гостевую юрту. Бала шәкірт быстро собрался, молча вышел и пошел к юрте, где находился его отец.

Как верно в свое время С.Муканов заметил, что М.Ауэзов был мастером в создании образов своих героев, и в достоверности этого суждения мы убеждаемся в великолепном изображении автором образа Кунанбая.

Автор до приезда гостей дал беглое описание внешнего вида Кунабая, из которого следует, что тот был высокого роста, могучего телосложения, седобородый, с серакаменным лицом, одноглазый.

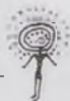
Уже в гостевой юрте образ Кунанбая приобретает более ясные, присущие только ему черты. Мы слышим его сильный голос, наполненный злостью и тяжестью. Вид суровый. В портрете Кунанбая, данного писателем для нас важна каждая деталь и поэтому обратим внимание на то, что в описании писателя Кунанбай – длинноголовый.

Согласно данным историка Б.Грозного, «представители первого обеидского потока шумеров были прежде всего длинноголовыми, и, вероятно, шумерский народ возник скорее всего где-то в киргизской степи».

Теперь мы можем приступить к нашему подстрочному переводу описания лица Кунабая: «На скуластом длинноголовом лице отца место выше его ушей виднеется как гусинное яйцо. И без того к длинному, большому лицу присоединившаяся длинная при длинная округлая борода превращает его голову и лицо в целый край».

Тогда единственный невредимый глаз Кунанбая, водрузившись на левом плече его носа, приподнятой спинкой кажется недремлющим часовым, строгим стражем, зорко следящим за этим краем. Непреклонный, не допускающий расхлябанности, чуткий, строгий наблюдатель. Единственный глаз не впалый, а выпуклый. Взгляд пронзительный, приценивающийся. И ресницами редко взмахивает».

Таков облик Кунанбая в буквальном переводе, и для сравнения точности перевода следует обратиться к оригиналу: «Әкесінің ат жақты келген, ұзын сопақ басының құлақтан жоғарғы жері қаз жұмыртқасындай көрінеді. Онсыз да ұзын, үлкен бетіне үп-ұзын боп дөңгелей біткен сақалы қосылғанда, басы мен беті бір өңірдей. Сонда Құнанбайдың жалғыз сау көзі, оның көтеріңкі жал-тұмсығының сол иығына шығып алып, қалғымай, сақшыдай бағып, осы өңірді қалт етпей күзетіп тұрған сияқтанады. Қоя берсін, салғыртығы жоқ сергек, қатал

кузетші».

Насколько точно передан лик Кунанбая при переводе мы увидим, прочтя этот отрывок в двух вариантах. В переводе А. Никольской, Т.Нуртазина и Л.Соболева читаем: «У отца продолговатая, словно вытянутая голова, напоминающая гусиное яйцо. И без того длиное, лицо его удлиняется клином бороды; оно кажется Абаю равниной с двумя холмами, поросшими лесом бровей. Единственный глаз Кунанбая зорким часовым стал у левого холма – суровый, недремляющий страж. Он не знает отдыха, от него нельзя ничего утаить... Этот единственный глаз не прячется за веком: большой выпуклый, он смотрит остро и зорко, точно пожирая все окружающее. Он даже моргает редко».

В переводе Анатолия Кима: «С тяжелым вытянутым книзу лицом, изрытым глубокими складками, продолговатая отцовская голова повыше ушей была похожа на яйцо какого-то невероятного гуся-великана. И без того длинное лицо его удлинено округленной снизу стриженной бородой. Все это вместе – яйцо-череп, массивный нос, густые брови, посеребренная борода – кажется Абаю какой-то незнакомой опасной страной с холмами, лесами, с пустынными степями. И страж там имеется, единственный, недремляющий дозорный, день и ночь следящий окрест. Это строгий, беспощадный, неподкупный страж, от него ничто не укроется, он никогда не дремлет, не отдыхает. Кунанбай моргает редко, кажется, что единственный глаз его никогда не закрывается. Этот выпученный глаз впивается в каждого, с кем он говорит, и пронзительно буравит его».

В оригинале черты лица Кунанбая нарисованы писателем более четко и ясно, без излишеств, чем в переводах. В оригинале отсутствуют: «равнина с двумя холмами, поросшими лесом бровей», «пожирая все окружающее», «изрытым глубокими складками», «стриженной бородой», «какого-то невероятного гуся-великана», «кажется Абаю какой-то незнакомой опасной страной с холмами, лесами, с пустынными степями».

Все эти подробности, не имеющее место в оригинале заслонили своей множественностью главную деталь в портрете героя «единственный неведимый глаз», утомляют внимание читателя и уводят его от понимания того значения, которое вложено автором в эту деталь.

Переводчик должен был по существу следовать буквально за авторским текстом. Об этом хорошо сказано в письме Ф.Энгельса английской писательнице М. Гаркнесс, написанному 1888 году: «... Благодарю Вас за «Городскую девушку», присланную мне через Визетелли. Я прочел эту вещь с величайшим удовольствием, прямо с жадностью. Это действительно, как говорит Ваш переводчик, мой друг Эйххоф, маленький шедевр. Он к этому добавляет, и это должно доставить Вам удовлетворение, что перевод его поэтому должен быть почти буквальным, так как всякий пропуск или попытка изменения может только уменьшить ценность оригинала.»

Роман «Путь Абая» также шедевр, великая вещь и сохранение авторского стиля при переводе обеспечивало бы правильную передачу

мысли писателя для раскрытия образа Кунанбая.

Описание облика Кунанбая начинается с лица: ат жақты бет әлпеті сопақша келген – продолговатые черты лица; ұзын сопақ басы – длинноголовый с продолговатыми чертами лица. Сопақ – длинный, удлиненный, не круглый.

Указанные черты строения головы Кунанбая очень похожи на описание Б.Грозного: «Представители первого обеидского потока шумеров были прежде всего длинноголовыми».

У нас нет намерения умышленно «удревнить» или сделать «историческим» описание головы Кунабая как длинноголового. Тем не менее, возникает интуитивное чувство наличия природного, генного сходства длинноголовых шумеров Б.Грозного и длинноголового Кунанбая М.Ауэзова.

По сведениям современных ученых, в прошлые времена в составе казахских племен канлы, жалайыр, аргынов имелись сообщества индоевропейских народов.

И еще одно наблюдение очевидца А.Янушкевича по этому поводу: «Тобыктинские киргизы показались мне совсем иными, чем аягузские: лица по большей части длинные, носы длинные, скулы выдающиеся, кожа желтоватая – некрасивые».

В описании облика Кунанбая писатель акцентирует внимание читателя на его левом глазе – единственном глазе, и это обстоятельство также связано с существовавшей в древней культуре казахов использование символа глаза в качестве оберега, охранного знака, символа, именуемого абақы. Для оберега юрты абақы делали в виде сумки с двумя каменными пуговицами-глазами, оберегающими домочадцев от плохой, отрицательной энергии.

По свидетельству внука Кунанбая Ахата сына Шакарима «его дед Кунанбай был здоров и имел оба глаза, «одноглазье» Кунанбая это авторский вымысел.»

Мы полагаем, что введение в описание облика Кунанбая единственного глаза в связи с эпизодом судебного процесса над Кодаром и Камкой нужно принять как наделение образа Кунанбая этой особой приметой в виде стража с признаком защитника традиций, нравственных устоев общественной жизни.

В этом облике Кунанбая также можно увидеть и образ борьбы за жизнь, за существование. С точки зрения исследователей, все исторически известные судебные «процессы являлись той областью борьбы, в которой особенно ярко проявлялись человеческие качества, нравственный облик ее участников, где остро ставились проблемы морального характера».

Таким образом, левый глаз Кунанбая под пером писателя превращается в самостоятельный образ, действующее лицо перед решающей битвой, как, например, у Джека Лондона в «Белом клыке» в первой главе «Битва клыков»: «Волчица первая услышала звуки человеческих голосов и повизгивание ездовых собак, и она же первая отпрянула от человека, загнанного в круг угасающего огня. Неохотно

расставаясь с уже затравленной добычей, стая помедлила несколько минут, прислушиваясь, а потом кинулась следом за волчицей. Во главе стаи бежал крупный серый волк, один из ее вожakov. Он-то и направил стаю по следам волчицы, предостерегающе огрызаясь на более молодых своих собратьев и отгоняя их ударами клыков, когда они отваживались забегать вперед. И это он прибавил ходу, завидев впереди волчицу, медленной рысцой бежавшую по снегу. Волчица побежала рядом с ним, как будто место это было предназначено для нее, и уже больше не удалялась от стаи. Вожак не рычал и не огрызался на волчицу, когда случайный скачок выносил ее вперед, – напротив, он, по-видимому, был очень расположен к ней, потому что старался все время бежать рядом. А ей это не нравилось, и она рычала и скалила зубы, не подпуская его к себе. Иногда волчица не останавливалась даже перед тем, чтобы кунуть его за плечо. В таких случаях вожак не выказывал никакой злобы, а только отскакивал в сторону и делал несколько неуклюжих скачков, всем своим видом и поведением напоминая сконфуженного влюбленного простачка. Это было единственное, что мешало ему управлять стаей. Но волчицу одолевали другие неприятности. Справа от нее бежал тощий старый волк, серая шкура которого носила следы многих битв. Он все время держался справа от волчицы. Объяснялось это тем, что у него был только один глаз, левый. Старый волк то и дело теснил ее, тыкаясь своей покрытой рубцами мордой то в бок ей, то в плечо, то в шею. Она встречала его ухаживания лязганьем зубов, так же, как и ухаживание вожака, бежавшего слева, и, когда оба они начинали приставать к ней одновременно, ей приходилось туго: надо было рвануть зубами обоих, в то же время не отставать от стаи и смотреть себе под ноги. В такие минуты оба волка угрожающе рычали и скалили друг на друга зубы. В другое время они бы подрались, но сейчас даже любовь и соперничество уступали место более сильному чувству – чувству голода, терзающего всю стаю».

У одноглазого старого волка в повести Джека Лондона и у Кунанбая имелся лишь единственный глаз – левый. Кунанбая, рожденного в 1804 году, нельзя назвать старым, – к 1858 году, когда исполнилось Абаю 13 лет, ему было 54 года.

Вот как описывает автор Кунанбая: «Сонда Құнанбайдың жалғыз сау көзі, оның көтеріңкі жал-тұмсығының сол иығына шығып алып, қалғымай, сақшыдай бағып, осы өңірді қалт егпей күзетіп тұрған сияқтанады».

У казахов «тұмсық – жан-жануарлар мен адам баласының ауызы мен мұрынның орналасқан жері». То есть, это часть лица, где расположены рот и нос человека и животных.

В двух переводах описание лица Кунанбая не отражает оригинал и собственные дополнения переводчиков уводят читателя от понимания мысли писателя, заложенного в предложении: «Әкесінің ат жақты келген, ұзын сопақ басынын құлақтан жоғарғы жері қаз жұмыртқасындай көрінеді. Онсыз да ұзын, үлкен бетіне үп-ұзын боп дөңгелей біткен сақалы қосылғанда, басы мен беті бір өңірдей. Сонда Құнанбайдың

жалғыз сау көзі, оның көтеріңкі жал-тұмсығының сол иығына шығып алып, қалғымай, сақшыдай бағып, осы өңірді қалт етпей күзетіп тұрған сияқтанады. Қоя берсін, салғыртығы жоқ сергек, қатал күзетші».

Авторское описание лица Кунанбая в оригинале имеет существенное значение для понимания идеи романа читателем. Как пишет Станислав Лем: «Значение» всегда в конце концов цепляется за «понимание», а понимания нет там, где некому понимать. Понимание, это труд который должен быть произведен».

По его мнению «значение» есть переживание. Значение не «спрятано» во фразе, оно возникает в уме, когда эту фразу слушают или читают... Фразу сравнивают с формой, которую мысль наполняет значением, вливаясь в нее; смысловым содержанием фраза наполняется в психическом процессе.»

Чтение книг есть труд, ведущий к художественно образованному человеку. Процесс понимания есть толкование. Как пишет философ М.Хайдегер: «Понимание таит в себе возможность толкования, т.е. освоения понятого. Формирование понимания мы именуем толкованием. В нем понимание понимая усваивает себе свое понятое. В толковании понимание становится не чем-то другим, но им самим.»

Слушая и читая авторское описание лица Кунанбая в оригинале текста романа мы представляем себе образ отца Абая, каким его чувствовал «бала-шәкірт».

Применение писателем слова «край – өңір» в отношении лица и головы Кунанбая наше подсознание незамедлительно нас переносит в иную плоскость и вызывает к жизни другой смысл в восприятии нами слова «өңір» в значении «край, мир, населенный людьми, их жизненное пространство.»

Обладая знанием наличия ряда значений слова «өңір» мы начинаем понимать место образа Кунанбая в романе, выступающего по замыслу автора как принципиальный и последовательный защитник устоев, традиции.

Поэтому и во взгляде единственного глаза Кунанбая – стража порядка отсутствует безразличие, небрежность, он чуток и строг, он на страже жизненных интересов своего народа, норм права, определяющей социальную судьбу рода, как часть целого – человечества.

Автор указывает конкретную часть лица тұмсық, где в левой стороне лица расположен единственный глаз Кунанбая. Жал – не холм, здесь писатель слово жал использует в значении «прямой», то есть нос с горбинкой. Жал – это своего рода разделительная линия, проходящая по лицу, где нос занимает центральное положение, выступает как архитектурный центр лица.

Наверное, для правильного и восприятия характерных черт лица Кунанбая нам поможет русский писатель Л.Толстой, который в романе «Война и мир» в части второй в главе XII дает описание черт лица Кутузова: «Князь Андрей направился к двери, из-за которой слышны были голоса. Но в то время, как он хотел отворить дверь, голоса в комнате замолкли, дверь сама отворилась, и Кутузов, с своим

орлиным носом на пухлом лице, показался на пороге. Князь Андрей стоял прямо против Кутузова; но по выражению единственного глаза главнокомандующего видно было, что мысль и забота так сильно занимали его, что как будто застилали ему зрение. Он прямо смотрел на лицо своего адъютанта и не узнавал его.

У М.Ауэзова кетерінкі – приподнятый, у Л.Толстого орлиный нос на пухлом лице.

У того же Л.Толстого имеется и интересное описание человеческой головы. Вот как он рисует лысую, с седыми висками голову военного министра императора Франца: «У него была умная и характерная голова». И в романе М.Ауэзова форма головы выступает как признак характера личности.

Так, писатель в начале романа приписывает Кунанбаю эпитет бөрі, заключающий в себе признание мужества и разумности. Далее в эпизоде приведения в исполнения смертного приговора К о д а р у и Камке автор устами матери Кунанбая говорит о жестокости его характера. Был ли жесток Кунанбай

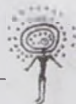
по отношению к этим геноям романа, как одноглазый старый волк Джека Лондона по отношению к вожаку стаи?

Разбирая судебный процесс над Кодаром и Камкой, мы увидим, что Кунанбай действовал жестоко, но эта жестокость исходила из реальной действительности, его действия были разумны и продиктованы законом жизни. И старый волк у Д.Лондона также действовал по требованию закона жизни, он не мог поступить по иному.

То, что кажется стороннему наблюдателю жестокостью, проистекало из самой сути природы. Вот как об этом пишет Л.Толстой в «Воине и мире»: «Даву был Аракчеев императора Наполеона – Аракчеев не трус, но столь же исправный, жестокий и не умеющий выражать свою преданность иначе, как жестокостью. В механизме государственного организма нужны эти люди, как нужны волки в организме природы, и они всегда есть, всегда являются и держатся, как ни несообразно кажется их присутствие и близость к главе правительства».

Чтобы понять замысел писателя, использующего левый глаз Кунанбая как отличительную черту человеческого характера, нам следует вновь обратиться к повести Д.Лондона: «Голод кончился. Волки дошли до богатых дичью мест; охотились они по-прежнему всей стаей, но действовали уже с большей осторожностью, отрезая от небольших лосиных стад, попадавших им на пути, стельных самок или старых больных лосей. И вот наступил день в этой стране изобилия, когда волчья стая разбилась на две. Волчица, молодой вожак, бежавший слева от нее, и Одноглазый, бежавший справа, повели свою половину стаи на восток, к реке Маккензи, и дальше, к озерам. И эта маленькая стая тоже с каждым днем уменьшалась. Волки разбивались на пары – самец с самкой. Острые зубы соперника то и дело отгоняли прочь какого-нибудь одинокого волка. И наконец волчица, молодой вожак Одноглазый и дерзкий трехлеток остались вчетвером. К этому времени характер у волчицы окончательно испортился. Следы ее зубов имелись у всех троих ухаживателей.

Но волки ни разу не ответили ей тем же, ни разу не попробовали защищаться. Они только подставляли плечи под самые свирепые укусы волчицы, поваливали хвостом и семенили вокруг нее, стараясь умерить ее гнев. Но если к самке волки проявляли кротость, то по отношению друг к другу они были сама злоба. Свирепость трехлетка перешла все границы. В одну из очередных ссор он подлетел к старому волку с той стороны, с которой тот ничего не видел, и на клочки разорвал ему ухо. Но седой одноглазый старик призвал на помощь против молодости и силы всю свою долголетнюю мудрость и весь свой опыт. Его вытекший глаз и исполосованная рубцами морда достаточно красноречиво говорил о том, какого рода был этот опыт. Слишком много битв пришлось ему пережить на своем веку, чтобы хоть на одну минуту задуматься над тем, как следует поступить сейчас. Битва началась честно, но нечестно кончилась. Трудно было бы заранее судить о ее исходе, если бы к старому вожаку не присоединился молодой; вместе они набросились на дерзкого трехлетка. Безжалостные клыки бывших собратьев вонзались в него с

всех сторон. Позабыты были те дни, когда волки вместе охотились, добыча, которую они вместе убивали, голод, одинаково терзавший их троих. Все это было делом прошлого. Сейчас ими владела любовь – чувство еще более суровое и жестокое, чем голод. Тем временем волчица – причина всех раздоров – с довольным видом уселась на снегу и стала следить за битвой. Ей это даже нравилось. Пришел ее час, – что случается редко, – когда шерсть встает дыбом, клык ударяется о клык, рвет, полосует податливое тело, – и все это только ради обладания ею. И трехлеток, впервые в своей жизни столкнувшийся с любовью, поплагался за нее жизнью. Оба соперника стояли над его телом. Они смотрели на волчицу, которая сидела на снегу и улыбалась им. Но старый волк был мудр – мудр в делах любви не меньше, чем в битвах. Молодой вожак повернул голову зализать рану на плече. Загрюбок его был обращен к сопернику. Своим единственным глазом старик углядел, какой удобный случай представляется ему. Кинувшись стрелой на молодого волка, он полоснул его клыками по шее, оставив на ней длинную, глубокую рану и вспоров вену, и тут же отскочил назад. Молодой вожак зарычал, но его страшное рычание сразу перешло в судорожный кашель. Истекая кровью, кашляя, он кинулся на старого волка, но жизнь уже покидала его, ноги подкашивались, глаза застилал туман, удары и прыжки становились все слабее и слабее. А волчица сидела в сторонке и улыбалась. Зрелище битвы вызывало в ней какое-то смутное чувство радости, ибо такова любовь в Северной глуши, а трагедию ее познает лишь тот, кто умирает. Для тех же, кто остается в живых, она уже не трагедия, а торжество осуществившегося желания. Когда молодой волк вытянулся на снегу, Одноглазый гордой поступью направился к волчице. Впрочем, полному торжеству победителя мешала необходимость быть начеку. Он простодушно ожидал резкого приема и так же простодушно удивился, когда волчица не показала ему зубов, – впервые за все это время его встретили так ласково. Она обнюхалась с ним и даже принялась прыгать и резвиться, совсем как щенок. И Одноглазый, забыв свой почтенный возраст и умудренность опытом, тоже превратился в щенка, пожалуй, даже еще более глупого, чем волчица. Забыты были и побежденные соперники и повесть о любви, кровью написанная на снегу. Только раз вспомнил об этом Одноглазый, когда остановился на минуту, чтобы зализать раны. И тогда губы его злобно задрожали, шерсть на шее и на плечах поднялась дыбом, когти судорожно впились в снег, тело изогнулось, приготовившись к прыжку. Но в следующую же минуту все было забыто, и он бросился вслед за волчицей, игриво манившей его в лес. А потом они побежали рядом, как хорошие друзья, пришедшие наконец к взаимному соглашению».

Комментируя роман М.Ауззова, мы обратились к повести Д.Лондона «Белый клык» не для сравнения героев двух произведений, а для правильного понимания идеи романа. При этом мы увидели в переводах двух произведений наличие проблемы справедливости перевода по отношению к оригиналу.

Так, одним из ранних произведений М.Аузова является повесть

«Серый Лютый» – «Көксерек» (1929 г.), где сюжет очень схож с «Белым Клыкком» Д.Лондона. Люди степи находят логово волка, откуда они вылавливают 9 вольчих щенят, семерых убивают там же, одному перерезают сухожилие задней ноги и оставляют в логове, самого маленького щенка забирают в аул, где его на воспитание берет мальчик Курмаш. Щенок вырастает и уходит в стаю волков, становится вожаком, и случайно Курмаш становится его жертвой.

Серый Лютый родился в логове, он еще не раскрыл глаза, но уже становится пленником охотников и оказывается в чужой для него людской среде. Волк, рожденный свободным в природе, против своей воли становится пленником. Вот как описывает этот момент писатель в оригинале: «Иң қанырап қалды... Осыдан соң бір жұма бойы маңайдағы ел күндіз-түні у-шу болып жатты. Қой жараланды. Қозы алып қашылды. Бұзаулар өлітірілді. Далада құлындаған билердің құлындары желінді. Тұтқын болып кеткен көк күшік ауыл тұрғыны б олып кеткен».

Люди убили семерых, одного покалечили, другого увели в плен. Волки раненного щенка унесли в зубах, и логово опустело. Неделью ауылы в районе логова днем и ночью находились в тревоге. То овцу зарежут, то ягненка унесут, телят растерзали. В степи родившиеся жеребята пали жертвой злобы хищников. А взятый в плен щенок стал жителем аула.

И именно этот момент перехода свободного живого существа в состояние неволи, рабства остался не переведенным. Ошибочно опущена главная мысль писателя – свобода, присущая по природе живому существу, невольно оказавшегося в другой среде, превращается в рабство.

Также в переводе Н.А.Волжиной «Белого клыка» Д.Лондона на русский язык переводчиком оставлена без внимания слова, идущие после оглавления второй части перед первой главой «Битва клыков» «Born of the Wild». Эти слова можно перевести как «Рожденный в дикой природе», либо «Рожденный свободным».

Главная черта, объединяющая героев этих двух писателей, – Мудрость, позволяющая трезво и правильно оценить жизненную ситуацию: «Но старый волк был мудр – мудр в делах любви не меньше, чем в битвах. Молодой вожак повернул головулизать рану на плече. Загрявок его был обращен к сопернику. Своим единственным глазом старик углядел, какой удобный случай представляется ему. Кинувшись стрелой на молодого волка, он полоснул его клыками по шее, оставив на ней длинную, глубокую рану и вспоров вену, и тут же отскочил назад».

«Единственный глаз» в повести Д.Лондона и романе М.Ауэзова однозначно функционален и выступает как деталь в образе «старого волка» и «бәрі Құнанбая», дающий ключ к пониманию характера персонажа и его роль в замысле писателя. Интересное суждение о значении детали высказал Е.С.Добин в статье «Искусство детали»: «Подробность воздействует во множестве. Деталь тяготеет к единичности.»

Единичность. Единица. Личность. Лидер. «Одноглазый волк» – в среде живых существ. Кунабай – в среде смертных. По мнению Абая «Без единицы – личности, люди превращаются в нуль, толпу, серую массу.»

В романе писатель в отношении Кунанбая применяет слово-эпитет «бөрі» – волк.

Ученый Маковский М.М. в своей книге «Историко-этимологический словарь современного английского языка» в статье WOLF п. «волк» пишет, что «Тот факт, что волк может видеть ночью, явился причиной символической интерпретации образа волка как солнечного света, как воина-героя, как прародителя людей (особенно в мифологии скандинавских народов и греков волк часто выступал в качестве берега. Чингизхана называли «Синий Волк» за его царственное происхождение и смелость; турки, монголы и китайцы считали волка своим прародителем и создателем династии; в китайской мифологии считалось, что Синий Волк охраняет Небесный Двор».

Образ волка в значении защитника был запечатлен и на памятнике «Күлтегін», поставленного в 723 году, там есть рисунок «вольчицы кормящая ребенка, символ происхождения тюрков (Джаншир Фейзиев).

Этот вездесущий образ волка использовал и Оноре де Бальзак в своем «Брачном контракте», где он уважительно величает мэтра Матиаса, нотариуса, защитника интересов Поля – «старым волком».

Образ Кунанбая, данный в романе писателем помогает нам проникнуть в суть художественно целого. Отдельное, простое слово «жалғыз сау көзі» – единственно невредимый глаз поставленное в описании лица Кунанбая в самый острый, решающий момент обсуждения повестки дня на этом собрании в юрте заставляет нас задуматься над значением этой детали в лике героя романа.

Как писал А.А.Потебня в «Из записок по теории словестности»: «Всякое искусство есть образное мышление, т.е. мышление при помощи образа. Образ заменяет множественное, сложное, трудно уловимое по отдаленности, неясности, чем-то относительно единичным и простым, близким, определенным, наглядным.»

А, ответ на вопрос «почему писатель М.Ауэзов представил Кунанбая одноглазым» мы можем найти в суждениях Н.Вильмонта по поводу слепоты Фауста: «Но почему Фауст в миг своего высшего прозрения выведен слепцом? Вряд ли кто-либо сочтет это обстоятельство случайностью».

А потому, что Гете был величайшим реалистом и никому не хотел внушить, что грандиозное видение Фауста где-то на земле уже стало реальностью. То, что открывается незрячим глазам, – это не настоящее, это будущее. Фауст видит неизбежный путь развития окружающей его действительности. И это видение будущего не лежит на поверхности, воспринимается не чувственно глазами, а ясновидищим разумом.»

Писатель М.Ауэзов также будучи реалистом единственному глазу Кунанбая при описании его образа дал разумное определение «сақшы» – охранник, защитник, хранитель устоев.

К сожалению, к тому будущему свободного человечества, о котором мечтал Фауст нужно еще прийти и на этом пути главное для человечества сохранить человечность, ради этого необходимо соблюдать требования закона жизни. И все действия Кунанбая направленные на это, были основаны на нормах права: право на жизнь и право жизни.

В отношении оценки действия Кунанбая в случае с Кодаром и Камкой нам наверное следовало обратиться к словам Гете в его стихотворении «Истокование старинной гравюры на дереве, изображающей поэтическое призвание Ганса Сакса»: «...Так, утверждая закон и право, В суть вещей ты вникнешь здраво: Прославишь Нობожность и Честь, Зло покажешь, каким оно есть.»

О том, что Кунанбай действовал именно так мы убедимся в дальнейшем при рассмотрении конкретной нормы древнего права, а сейчас возвратимся к началу беседы в юрте.

Как описано в романе мудрый Кунанбай трезво оценивая объективные обстоятельства дела изначально углядел, какой удобный случай представляется ему, если людская молва о незаконном сожительстве Кодара и Камки обретет истину в судебном процессе. И невольными исполнителями его замысла станут гости, прибывшие по приглашению Кунанбая, которые ныне находясь в гостевой юрте и не предпологают какая роль им уготована судьбой.

В действиях Кунанбая мы видим два движущих мотива: общественный порядок и благо своих сородичей. Разумность и выгода. Недаром А.Янушкевич характеризовал Кунанбая как «дельный, заботливый о благе»

своих соплеменников». Янушкевич пишет, что «при переписи скота киргизов Кунанбай ведет некоторым образом двойственную игру: выдал нам много богатых киргизов, которые поукрывали своих лошадок и баранов. Дали бы они ему перцу, если бы узнали, кто нам помог открыть правду, или, точнее, приблизиться к правде».

Кунанбай и в этом случае исходил из интересов своего рода, так как желал, чтобы богачи других родов несли бремя налога в соответствии со своим богатством, и он вел невидимую построннему глазу битву за право на жизнь.

Дорогие друзья.

О том, что поведение Кунанбая, о котором писал Янушкевич, было подчинено фактическим обстоятельствам, имевшим место в те времена в степи, свидетельствует сама история.

Российская империя, расширяя свои пределы за счет слабых соседей, использовала их ресурсы, налоги росли непомерно, подданные царя были обязаны содержать всю бюрократическую систему целой державы. Правящий круг богател, простой народ нищал, ежедневно вел войну за жизнь, за право на существование. И во главе этой жизненной войны стоял и Кунанбай, действия которого мы не оправдываем, а пытаемся раскрыть те явления жизни, послужившие первопричиной для его действий по защите интересов своего рода.

В степи всем без исключения нужно было добывать хлеб насущный, и это необходимость была равна битве, войне. О бедственном состоянии казахского народа, находящегося в положении изгоя, откровенно писал и Абай в начальных строках своего «Двадцать пятого слова».

А, вот что писал в 1854 году П.Я.Чаадаев: «Говоря о России, постоянно воображают, будто говорят о таком же государстве, как и другие; на самом деле это совсем не так. Россия – целый особый мир, покорный воле, произволению, фантазии одного человека, именуется ли он Петром или Иваном, не в том дело: во всех случаях одинаково это – олицетворение произвола. В противоположность всем законам человеческого общежития Россия шествует только в направлении своего собственного порабощения и порабощения всех соседних народов.

И поэтому было бы полезно не только в интересах других народов, а и в ее собственных интересах заставить ее перейти на новые пути».

Как говорят исторические факты Российская империя исходила из своих государственных интересов и искала как морские, так и сухопутные пути для расширения своих границ. Россия искала выход в Средиземноморье, и имелся ряд международных соглашений по регулированию режима Босфора и Дарданелла, такие как Ункяр Искелесийский договор от 1833 года и Лондонская конвенция о проливах 1841 года. Экспансия России, как масляное масло все расширялась (выражение П.Я.Чаадаева) и вступала в конфликт с интересами других стран, шла война и на море, и на суше.

В казахской степи экспансия осуществлялась через построение различных приказов, крепостей, содержанием там войск. Появление с севера славян А.Бокейхановым в статье «Исторические судьбы

киргиского края и культурыне его успехи» датируется второй половиной XVI столетия, и с этого периода началось завоевание и колонизация края.

О последствиях принятия с 1730 года Российского подданства для казахов писал в своем докладе от 19-го ноября 1905 года Мухамеджан Тынышпаев: «В глазах русских властей киргизы – не люди, а какие-то вредные существа, не имеющие право на существование; поэтому они позволяют себе совершать над ними всякие жестокости. Население терроризовано до последней степени; оно стонет под тяжестью неслыханного произвола и гнета. Как называть все это, как не крестовыми походами невежественного теократического и бюрократического правительства великой державы России против инородцев и иноверцев?!»

Абай именно поэтому призывал казахов к овладению наукой, умению жить своим трудом, чтобы можно было, соблюдая принцип равноправия всех перед законом и судом, на основании общего закона для всех подданных империй противостоять беззаконию русских чиновников.

Характер битвы нес в себе и судебный процесс, который начался с приходом Абая в юрту, и очень сложно было бы заранее судить о ее исходе, если бы к мудрости бия Кунанбая не пришлось кстати нормы древнего права. В письме А.Янушкевича от 11 июня 1846 года Кунанбай не только волостной управитель, но и также имеет статус бия. Янушкевич в письме дважды именует Кунанбая этим званием и подчеркивает, что тот судья неподкупной честности.

Достоверность слов А.Янушкевича о честности Кунанбая подтверждает и А.Бокейханов в своем письме в редакцию «Особого Прибавления к «Акмолинским областным ведомостям» от 25.12.1889 года г.Омск», адресованному киргизам: «Вы благородные старики, будьте сотрудниками газеты, расскажите нам все, что вы видели хорошего...как решали споры знаменитые бии: Жарылгап, Алчынбай, Муса, Кунанбай и др., не льстившиеся на шелковые халаты, толстые карманы, дайте примеры, наставления нашим биям, любящим ловить рыбу в мутной воде».

Кунанбай к 1858 году ставший из волостного управителя ага султаном по степным законом являлся и бием, имеющим право рассматривать и разрешать судебные дела.

Для уяснения процессуального положения Кунабая в судебном процессе приведем краткую справку А.Янушкевича о должности старшего султана из его письма от 12 июня 1846 года: «С присоединением Средней орды к российским владениям в Азии кончилась власть ханов. Со смертью последнего из них этот титул был отменен навсегда, и сегодня живым напоминанием о ханстве является только старая бабка, известная под именем ханши Валиевой.

На руинах ханской власти Россия создала в Средней орде власть старших султанов. Вообще-то весьма ограниченная такая власть в руках человека с головой и сердцем может, хоть это и не кажется на

первый взгляд заметным, иметь определенное значение. Знаменитые родоначальники, гордые потомки ханов стараются заполучить ее, как большую честь и ступень к возвышению. Но правительство строго наблюдает за тем, чтобы старшие султаны не забывали, что ханская власть кончилась и отошла в прошлое. В конечном счете хан был один, а сегодня Средняя орда имеет семерых старших султанов».

Одним из этих семерых старших султанов стал и Кунанбай, который воспользовался своим положением и созвал на суд всех заинтересованных сторон, оставив за собой право председательствования в статусе судьи – бия.

Причиной срочного созыва предводителей рода Тобыкты на экстренное совещание в аул Кунанбая послужило то обстоятельство, что сплетня, распространенная в начале среди родственников самого Кодара, вышла за пределы рода Тобыкты и дошла до ушей чужих соседних племен. Кунанбай недавно выезжал на собрание в соседнее племя Сыбан, где сделал замечание торе Солтабаю, чтобы тот бросил привычку употреблять насыбай. Насыбай (насвай) – нюхательный табак, с медицинской точки зрения считался вредным, и среди мусульман-казахов не было принято его употребление, это считалось плохой привычкой. В ответ Солтабай заявил ему: «Я готов бросить насыбай, только ты тоже приструни длинноволосую чертовку, живущую у подножия гор Чингистау».

Торе Солтабай в своей реплике на упрек Кунанбая умышленно упоминает горы Чингистау, тем самым прямо указывая местопребывания «длинноволосой чертовки», находящейся на территории рода Тобыкты. Этим замечанием, торе Солтабай обвинил Кунанбая в отсутствии общественного порядка в его владениях и его незнаний положения дел в своем округе.

Это было серьезным обвинением в адрес правителя Кунанбая и обязывающего его приступить к незамедлительному расследованию события, нарушающего общественно необходимый порядок. (Элвин Тоффлер)

Из текста романа видно, что до Кунанбая слухи о незаконной связи свекра Кодара со снохой Камкой не доходили, об этом случае никто из руководителей рода Борсак ему до его отъезда на собрание к сыбанам не донесли, ибо одним из первых распространителей молвы они были сами, поэтому и Кунанбай холодно и сурово смотрел среди собравшихся в юрте на старшего из рода Борсак – Суйндика, самого близкого сородича обвиняемого Кодара из всех находящихся в юрте тобыктинцев.

Кунанбай не обращал внимание на всех присутствующих, он говорил, не отрывая взгляд от напротив сидящего Суйндика. Тот изредка подглядывал, но прямо на Кунанбая не смотрел. Все время опускал глаза. Было отчего. Если бы Суйндик сразу же при всех признал вину и обвинил бы Кодара, то вся тягость завтрашнего дня легла бы на его плечи. И, самое главное, Суйндик сам еще не был убежден в обоснованности обвинения, выдвинутого Кунанбаем против

Кодара, поэтому он ухватился за слова Каратая, как за спасительную соломинку. Каратай был предводителем другого рода – Кокше – более отдаленного от всех родов тобыкгинцев. Он первым позволил себе чуть вскользь выразить вслух сомнение, тлеющее в умах всех остальных в виновности Кодара: «Да, неслыханное злодеяние. Не дай бог, пусть Всевышний уберезет наших детей от такого греха. Если действительно так, то это дело пусть постигнет неверных».

Суйндик, как бы находя поддержку в словах Каратая, нбезраздумья опрометчиво проговорил: «Если мы убеждены в виновности Кодара, то давайте зарежем его, стоя. Но, есть ли человек, который знает истину?»

Кунанбай тут же устремился всем телом вперед и, перебив Суйндика, стал выговаривать ему: «Ей, Суйндик. Нечистая сила ищет слабое место. Нерадивый, неуклюжий вождь навлекает беду на свой народ. Если считаем, что Кодар чист и честен, то давайте оправдаем его, отдадим все за него свои души, и возьмем на том свете всю ответственность на себя. Однако у меня нет двух душ. Сомневаешься, то отдай свою душу. Отдашь ли душу свою?» - с такими требованиями Кунанбай напал на Суйндика.

Здесь, наверное, следует дать разъяснение по поводу «отдачи души», чего требовал Кунанбай от Суйндика. В древнем казахском праве существовала судебная процессуальная норма, согласно которой при отсутствии очевидцев, свидетелей события прибегали к даче клятвы. К клятве привлекались уважаемые люди, имеющие авторитет, которые в заверении невинности обвиняемого, предлагали свою душу. И не все желали, чтобы выбор пал на них, так как считалось, что, давая клятву в невинности обвиняемого и отдавая в подтверждении свою душу, клятвователь брал ответственность на себя и символически приговаривал себя к смерти, поручаясь за деяния другого лица. Его душа выступала в качестве гаранта, быть может, даже заложника. В древнем тюркском языке жан (душа) означал возвращение.

Суйндик стал злиться на оказанное Кунанбаем давление и, насупившись, промолвил: «Е, нет желания расставаться с душой. Учини дознание, но я не пришел сюда, чтобы отдавать душу, стать заложником». Этим было исчерпано его сопротивление. Он хоть и возмутился, но было видно, что отступил. Кунанбай, почувствовав его слабость, решил взять силой логики и стал того преследовать. Он заявил Суйндиду, что если тот желает производства дознания, то пусть сперва проведет дознание тех, кто распространил этот слух. Пусть дознается у тех чужих, которые только вчера на сборище бросили обвинение ему в лицо. Кунанбай имел в виду торе Солтобая и общественное мнение.

М. Ауэзов только упомянул имя торе Солтобая, не раскрывая его личности, однако нам нужно будет самим произвести своеобразное исследование в отношении этого героя – оно поможет нам понять восхождение Кунанбая на должность старшего султана, чье место могли занимать лишь султаны ханского происхождения.

Звание «торе» обычно казахи применяют к представителям потомства ханов, так называемой аристократии, ақсүйек (белой

кости). Прототипом торе Солтобая является, по нашему мнению, султан Солтабай Бралин, внук султана Токова Брали. Как следует из архивных документов, приведенных в книге Болатбека Насенова «Абралы», Солтабай Бралин был волостным управителем Мамбетей Тобыкты. Волость Тобыкты в то время входил Каркаралинский округ. Управителем соседнего рода Байбөрі был Ағадай Маманов, внук Бөкейхана, умершего в 1819 году.

Очень интересные сведения оставил А.Н.Бокейханов в своем очерке «О киргизском хозяйстве в Каркаралинском уезде», и они нам помогут проследить связь Бокейхана с родами Каракесек и Тобыкты. В 1728 году роды Алтай и Каракесек пришли в здешние степи из города Туркестана. Они в борьбе с представителями Джунгарского царства калмыками и туркменами освободили земли, изгнав последних. В 1748 году через двадцать лет сюда же пришел султан Бокей, «отправившийся по приказанию своего отца, занимавшего в Ташкенте должность бекгербега». Султан Бокей (1737-1819 гг.), сын Барака, внук Турсына Мухаммед султана (умер 1627 г.), сын Жалым султана. Султан Бокей является прапрапрадедом А.Бокейханова. Бокей от пяти жен имел 11 детей.

В 1748 году султану Бокею было 13 лет, и он был первоначально представителем чингизидов в роду Каракесек. В данном случае действовало древнее правило правления среди казахов: «Как не бывает без вершины гора, так и правление без торе».

В очерке А.Н.Бокейханов приводит имена султанов из семьи Бокейхана, живших в этих краях, где происходили описываемые в романе события: сын Чингиз, Султангазы, внук хана – султан Турсын, султаны Рустем и Мырзатай, сыновья Батра, «соперничавшие за власть с своим двоюродным братом Турсын – Чингизом, сыном брата Бокея». Как видно из статьи А.Бокейханова, султан Бокей прибыл в степи в 1748 году вместе с каракесеками. И в последующем сыновья и внуки Бокей хана были султанами рода Тобыкты. Так, Солтабай Бралин, правнук Бокея, был волостным управителем Мамбетей Тобыкты.

По словам А.Бокейханова «находясь номинально под властью чингизидов в улусах Джагатай и Джучия, кочевые племена сохраняли родовой быт и кочевой образ жизни. Каждый род, руководимый своим бием, предводительствуемый своим батыром, свободно вступал в союз и свободно выделялся из него, признавая за собой только ту верховную власть, которая соответствовала интересам рода или его руководителя. Обычная борьба между чингизидами за власть и уделы решалась при непременно вмешательстве сильнейших тюркских племен, сыгравших деятельную роль при распаде улусов Джагатай и Джучи».

Не только правители сильных родов имели свое влияние на султанов-чингизидов, но и отдельные личности при султанах присваивали властные полномочия. В примечании к переписке хана Средней киргизской орды Букея и его потомков от 1833 года А.Букейханов указывает, что поручик Сагандык Сиванбаев, представленный к награде, является старшим слугой Турсуна Чингисова, однако, забрал в свои

руки своего господина и управлял все время Каркаралинским округом.

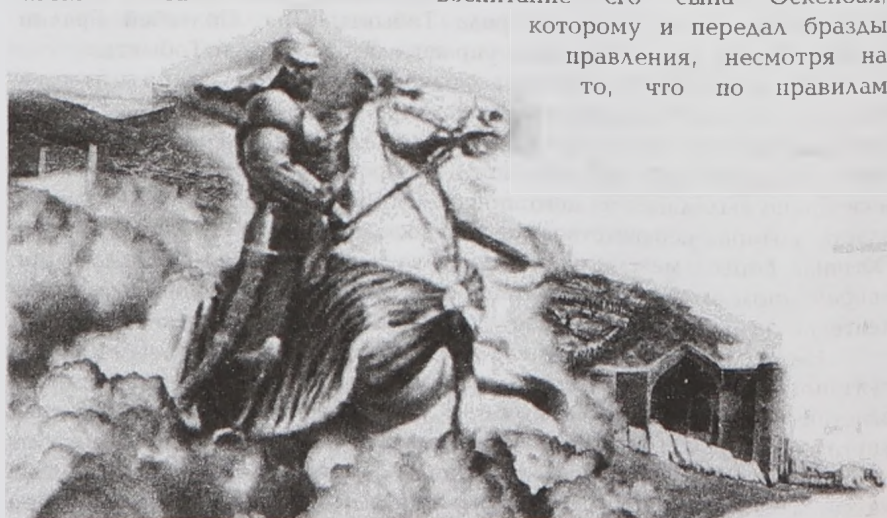
Одним из руководителей рода Тобыкты стал Кунанбай, который был батыром и бием. Борьба родов выдвигала находчивых, смелых вожаков, носивших звание батыров. Часто би и батыр совмещались в одном лице (А.Бокейханов). Именно интересы рода Тобыкты сыграли решающую роль в выдвижении Кунанбая на арену борьбы своего времени.

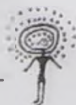
М.Ауэзов в своем романе одним лишь упоминанием имени Солтабай торе указал на направление поиска фактических обстоятельств, в силу которых Кунанбай в 1849 году был избран старшим султаном Каркаралинского округа, не будучи чингиздом.

После упразднения ханской власти Средняя орда была поделена на округ, управляемая приказами, под председательством старших султанов, избираемых на совете султанов. За власть старшего султана велась ожесточенная борьба между султанами-чингизадами и поэтому, не желая прихода султана из друго клана, местные султаны, у которых закончился срок пребывания на этой должности, решили избрать Кунанбая, известного внука Ыргызбая, который родился 1744 году, именно в тот период, называемый в народе «Ақтабан шұбырынды, Алқакөл сұлама» (время невзгод и испытаний), Ыргызбай, как и Бокей также прибыли в степи Абралы и Чингистау.

Отец Ыргызбая Айдос Олжайұлы вместе с батыром Мамаем участвовал в расселении рода Тобыкты у подножия горы Чингистау. От Айдоса происходят Топай, Торғай, Ыргызбай, Көтібақ. Среди них Ыргызбай отличался своими способностями, и знаменитый Кенгірбай бий занимался его воспитанием. По сведениям Шакарима Кунанбаева, Ыргызбай был дружен с ханом Аблаем, последний в 1735 году был избран ханом Среднего жуза.

Когда в 1785 году Ыргызбай скончался, то Кенгірбай взялся за воспитание его сына Өскенбая, которому и передал бразды правления, несмотря на то, что по правилам

должен был принять звание бия его родной сын Ералы, отец Божей. Последний воспитывался вместе с Кунанбаем, они были дружны, однако 1846 году из-за земельного спора их пути разошлись. В 1853 году Божей скончался, однако спор о земле продолжил другой сподвижник Божей Қаратай Сапақов, предводитель рода Кокше.

Быть может, поэтому автор ввел в роман образ Божей, чтобы еще раз подчеркнуть социальную остроту борьбы за землю. Именно Божей и Каратай находились в гостевой юрте, когда Кунанбай вел своеобразный допрос с пристрастием старшего рода Бокенчи Суйндика.

Кунанбай говорил долго и один. Абай не понимал всей сути слов отца и не поспевал за его мыслью. По обычаю взрослых отец говорил иносказательно, порою произносились интересные пословицы и поговорки. Слова отца, его речи, наполненные гневом и силой, обращенные неведомому кому-то, воспринимались им иногда словно долгий, протяжный мотив, звучащий при стремительном набеге, неудержимой атаке. Вот как передано впечатление Абая от речи отца в оригинале: «Әлдекімге қаптап, зіркілдеп сөйлеп отырған әке сөзі кейде бұған бір жортуыл, шабуыл үстіндегі шұбырынды, ұзақ сарын сияқтанады».

В переводе А. Никольской, Т.Нуртазина и Л.Соболева это предложение дано следующим образом: «Отец на кого-то нападает, кому-то грозит – и Абая кажется: целая рать, вооруженная и грозная, стремительно летит в набег».

Во втором переводе у Анатолия Кима эта часть передна так: «... снова отвлекался и прислушивался лишь к отдельным словам отца, многие из которых показались ему грубыми, мрачными, угрожающими, тянущимися каким-то нескончаемым темным потоком, словно вражеские полчища, совершающие набег».

Из оригинала видно, что Абай обратил внимание на музыкальность обвинительной речи отца, льющейся непрерывным потоком, за которым он едва поспевал. И она ему порою слышалась как мотив, звучащий при набеге.

Действительно, оратор Кунанбай держал обвинительную речь, полную ярости и праведного гнева, при этом он порою излагал свои мысли, облекая их в форму иносказания, умышленно незавершая мысль, говорил недомоловками, усыпая свою речь пословицами и поговорками. Поэтому Абая трудно было понять сразу, он не поспевал за речью отца, не мог соединить слова друг с другом, блуждал, не мог уловить логику его речи и смысл всего сказанного отцом. И Абая слова отца в его долгой речи воспринимались как нескончаемый напев, мотив при набеге, а не сам набег.

Когда Кунанбай говорил, Божей, сидевший справа от него, ни разу не шелохнулся, не поднял опущенных глаз. И не было ясно – спал ли он, или же был в раздумье. Божей был из большого рода Жигитек. Ранее из их среды вышел знаменитый могучий би Кенгирбай. А сейчас этот род стал известен задиристыми, воинственными людьми, среди которых было много барымгачей, поголовно речистые, буйные.

Только Байсал, из такого же большого рода Котибак, смотрел на Кунанбая, не отрывая глаз, словно сокол; глаза его голубого цвета, холодные и непроницаемые. Писатель одним словом тұрғысы передает характер Байсала: «Байсал да сондай мол ру – Көтібақты тұрғысы» (букв., Байсал – величина такого же большого рода Котибак, то есть признанный вожак, вождь).

Эти племена всегда готовы были увеличить поголовье скота и пытались захватить побольше земли, и, надеясь на свою многочисленность, особо не стеснялись в средствах.

Среди холодных и мрачных лиц живостью лица и подвижностью отличались лишь Каратай и сидящий рядом с Абаем старшина Майбасар, близкий родственник Кунанбая. Каратай, хоть и был далек от всех этих родов, но выступал как посредник. Будучи деятельным и всегда находящийся в гуще разных событий, он не отставал от них, имел свою долю при раздаче почестей и прибылей.

Кунанбай же – из рода Ырғызбай, который по численности людей был меньше, чем Бокенчи и Котибак, однако, богат скотом и долгое время держал в своих руках узды правления всеми родами Тобыкты.

По родственной линии Кунанбаю ближе был Байсал, чем Божей и Суйндик. И в решающие моменты, когда нужна была сила и войско, Кунанбай всегда опирался на род Байсала – Котибак. Он не отпускал Байсала из-под своего влияния.

Суйндик среди этих родичей был представителем малозначительного рода Бокенчи. И по количеству добра, скота был невелик. Род Борсак был родственником, вошедшим в состав Бокенчи. Именно роду Борсак и принадлежал Кодар, о котором шла речь в тот вечер в гостевой юрте.

Как пишет М.Ауэзов в романе, «Тобыкты состоял из множества родов, но вопросы большого круга решались именно на весах родов этих пяти- шести человек, находившихся в гостевой юрте. Именно авторитет этих предводителей определял вес всего рода».

Поэтому мы посчитали необходимым более подробно изложить некоторые исторические сведения, находящиеся вне текста оригинала, являющегося художественным произведением.

Однако эти исторические обстоятельства имеют существенное значение для понимания объективных причин, лежавших в основе событий, с которых и берет свое начало роман «Путь Абая».

Жалгасы бар.